

ФИЛОСОФИЯ

И. И. Иванова¹

Женщина как символ мудрости в западной, восточной и русской ментальной традиции: культурно-антропологическая компаративистика

УДК 140+572.2

В статье проводится сравнительный анализ гендерно-интеллектуальных символов, сложившихся в западной, восточной и русской ментальных традициях. При этом западная культура рассматривается как унифицированная и единообразная, русская — как синкретическое соединение Запада и Востока, а восточная — на примере киргизской культуры. В итоге не только оценивается социально-интеллектуальная роль женщин в разных типах культур, но и делается вывод о характере базирования этих культур на том или ином ментально-стереотипическом представлении о природе рациональности.

Ключевые слова: рациональность, мудрость, логика, женская логика, гендерная символизация, маскулинность, фемининность, этноментальность, социально-аксиологический стереотип.

I. I. Ivanova. Women as the Symbol of Wisdom in Western, Oriental and Russian Mental Traditions: Culture-anthropological Comparison

The article deals with analysis for comparative analysis of gender-intellectual symbols, which are prevalent in Western, Oriental and Russian Mental Traditions. At that, the Western culture is rated as unitized and uniform, the Russian culture is offered as a syncretic combination of West and

East, the Oriental one is viewed by the example of Kyrgyz custom. The analysis permits not only to estimate socio-intellectual role of womenfolk in different culture types but also to investigate a nature of their basing on that or other mental-stereotype idea of rationality as such.

Key words: rationality, wisdom, logic, feminine logic, gender symbolization, masculinity, feminism, ethnic mentality, socio-aksiological stereotype, culture-anthropological analysis.

Гендерная идеология общества, основанная на функционировании институтов патриархатного доминирования, определяет соответствующие оценки и нормативные представления о психических, когнитивных, поведенческих и прочих свойствах, характерных как для мужчин, так и для женщин. При этом маскулинность как элемент полового символизма в процессе дифференциации половых ролей воспринимается и мужчинами, и женщинами как нечто несравненно более привлекательное, нежели фемининность. Иными словами, «...зачастую психологическая норма базируется на “мужской” модели поведения, черт характера, когнитивных особенностей... как доминирующей, иерархически более высокой и социально ценной» [17, с. 8]. И хотя многие из тех черт, которые приписываются только маскулинности или только фемининности (например, отождествление первой с силой и агрессивностью, а второй — с мягкостью и пассивностью), на самом деле являются трансполовыми, однако массовое сознание в своих стереотипах упорно закрепляет их только за конкретным полом.

Вместе с тем следует отметить, что используемая здесь социально-aksiологическая модель, базирующаяся на гендерном подходе, весьма относительна, поскольку зависима от исторических, социокультурных и прочих условий. Результаты же тестов, используемых С. Бем, Дж. Т. Спенс, Р. Хелмрайхом и Дж. Стаппом еще в 1970-х гг., показали, что, с одной стороны, по половому признаку можно дифференцировать далеко не все психические свойства, с другой стороны, индивидуальные признаки маскулинности и фемининности у мужчин и женщин по разным шкалам не совпадают, а с третьей — эти признаки и вообще не зависят друг от друга. Остается, таким образом, учитывать сложившуюся в обществе принципиальную асимметрию половых ролей, этноспецифичность данной асимметрии, а также зависимость социально-aksiологического стереотипа от того, чья имен-

но точка зрения — мужская или женская — выражается в каждом конкретном случае. В этом плане не только иронично-мудрым, но одновременно профессионально-привлекательным представляется текст посвящения, принадлежащий В. И. Курбатову, автору совершенно уникальной книги под названием «Женская логика»: «Жене и дочерям, которых мне ни разу не удалось убедить в преимуществах мужской логики» [9, с. 3].

Что касается замечания об уникальности упомянутого труда, то таковая заключается в авторском умении провести через всю книгу ту идею, что ни пресловутая «женская логика», ни так называемая «мужская логика», ни вообще логика, принадлежащая отдельной социальной группе или кому-то индивидуально, к собственно логике отношения не имеют. Иными словами, как только речь заходит о некоторых специфических особенностях мышления, так сразу же контекст разговора перемещается из области логики в область психологии. При этом может даже случиться, что предмет рассмотрения, представляющийся рассуждающему о нем лицу логическим, незаметно для этого лица вообще уходит из мыслительной парадигмы, оказываясь, например, в поведенческой или социально-исторической сфере. Увы, но слово «логика», обычно ассоциирующееся именно с правильным мышлением, в повседневной речевой практике оказывается той самой омонимией, которая, будучи первым врагом этого правильного мышления, разрушает такие его основы, как принципы определенности и последовательности. Рассмотрим упомянутую омонимию на конкретных примерах.

Понятно, что чаще всего логикой называют все-таки мыслительные процессы, а также лежащие в их основе закономерности: «логика рассуждения», «логика мышления», «ход логики», «логика шахматной игры», «нарушение элементарной логики». Нередки, между тем, случаи именованья этим же словом также и объектов онтологической («логика бытия», «логика мирового развития», «логика действительности», «по логике вещей»), социальной («логика истории», «логика экономики», «логика войны», «логика революции») или экзистенциальной природы («логика существования», «жизненная логика», «повседневная логика»). А еще «логику» используют для обозначения диалектики как некоторого универсального учения строгого характера («логика всеобщих законов развития», «логика диалектического отрицания», «логика единичного и общего», «логика истины», «мате-

риалистическая логика»), диалектики как учения о развитии только мышления (гегелевские «наука логики» и «диалектическая логика»), теории познания («логика познания», «неформальная логика»), методологии («философская логика», «логика математики», «логика права», «логика эксперимента», «логика вопросов»), психологии («особенности его логики», «женская логика», «мужская логика», «нехитрая логика обывателя»), поведения («логика поступка», «логика взаимоотношений»), социальной психологии («логика толерантности», «логика общения», «логика доверия»), текстологии («логика изложения», «логика повествования», «герменевтическая логика»), просто осмысленности некоторого высказывания («наличие логики», «отсутствие логики», «на базе логики», «логическое мышление»). И реже всего, как ни странно, под «логикой» понимают собственно логику: «наука логика» (в отличие от выражения «наука логики»), «формальная логика», «традиционная логика», «школьная логика», «математическая логика», «классическая логика», «неклассическая логика».

При этом имеют место еще и антонимические омонимы (как правило, имплицитно заключающие в себе значения, противоположные какой-нибудь мыслительной закономерности): «парадоксальная логика», «логика абсурда», «китайская логика», «алогичная логика», «женская логика». Кроме того, если рациональное противопоставляют иррациональному, то рациональность отождествляют с логикой, а если — чувственному, тогда имеют в виду абстрактное мышление. Обычной же нормой является отождествление понятий «абстрактное мышление», «логическое мышление» и «рациональное мышление», хотя вопрос, всякое ли абстрактное мышление является логическим, рискует остаться открытым, кажется, навсегда. И, как ни странно, свою долю путаницы сюда вносит не только обыденное, но и профессионально ориентированное сознание. Так, например, в «Психологическом энциклопедическом словаре» М. И. Еникеева двум феноменологически разным понятиям «мышление» и «разум» даются фактически одинаковые определения («Мышление — психический процесс обобщенного и опосредованного отражения устойчивых, закономерных свойств и отношений, существенных для решения познавательных проблем» [5, с. 247] и «Разум — интеллектуальная способность индивида выявлять и использовать существенные взаимосвязи между явлениями, устойчивые качества и свойства объектов, способность психической саморегуляции в соответствии с объективными усло-

виями действительности» [5, с. 395]), и тем самым оба эти понятия — незаметно для автора — отождествляются с понятием «логика». Одновременно, несмотря на следующее отсюда признание считать всякое мышление только логическим, приводится и его паралогическая разновидность, определяемая как мистическое мышление, которое порождено магическими представлениями [5, с. 258].

Если теперь обратиться непосредственно к теме статьи и остановиться на вопросе о символах мудрости, то придется значительно расширить уже обозначившийся синонимический ряд и, в частности, рассмотреть соотношение с логикой как минимум следующих понятий: «ум», «рассудок», «рассудительность», «разум», «разумность», «мудрость», «премудрость», «сообразительность», «догадливость», «практицизм», «рациональность», «рационализм», «интеллект», «ученость», «познание», «мышление», «сметливость», «осмысленность»... (Увы, но минимума все-таки не получается.) А если учесть еще и упомянутые гендерные, а также этно- и социокультурные особенности их функционирования, то придется признать, что предполагаемое исследование рискует стать бесконечным. Тем не менее для начала вспомним не только пресловутое тютчевское «Умом Россию не понять...», но и мало кем вспоминаемое пушкинское: «Дай Бог, чтоб милостию неба рассудок на Руси воскрес: он что-то, кажется, исчез!». А еще обратим внимание на такой бесценный ментально-антропологический источник, как собрание русских пословиц и поговорок В. И. Даля [13], особенно на его раздел «Ум — Глупость». В этноментальном отношении наиболее выразительными и характерными для данного раздела представляются следующие пословицы:

- Нет рождёного (ума), не дашь и ученого.
- В учении не мног, да в разуме тверд.
- Премудрость одна, а мудростей много.
- Ум разумом крепок.
- Где ума не хватит, спроси разума.
- Ум разуму подспорье.
- Умен, да не разумен.
- Ум на ум не приходится.
- Догадка лучше ума.
- Много на свете умного, да хорошего мало.
- Умная ложь лучше глупой правды.
- Один дурак, а умных пятерых ссорит.

- И глупый умного одурачит.
- От большого ума сходят с ума.
- С умом жить — мучиться, а без ума жить — тешиться.
- Дума что борода: лишняя тягота.
- Всяк Аксен про себя умен.
- Мужик умен, да мир дурак.
- Слушай людей, а делай свое.
- Не умничай: умнее тебя в тюрьме сидят.
- Чем голее, тем умнее.
- Есть ум, да пустосум.
- От большого ума досталась сума.
- С богатством ум приходит.
- Деньга ум родит.
- На деньги ума не купишь.
- Глупый умного, пьяница трезвого не любят.
- Что долго думать: отрубил, да и в шапку.
- Русак задним умом крепок.

Анализ приведенных выражений, демонстрирующих русско-ментальное отношение к уму-разуму, обнаруживает, что указанному отношению характерны не только **(1)** крайняя непоследовательность («Ум разумом крепок» — «Ум разуму подспорье» — «Догадка лучше ума») и даже **(2)** противоречивость («На деньги ума не купишь» — «Деньга ум родит»), но и следующие весьма примечательные его особенности: **(3)** непризнание связи между умом/разумом и обучением/ученостью; **(4)** утверждение тесной, хотя и противоречивой связи ума в первую очередь с материальным достатком; **(5)** отсутствие четкой дифференциации между умом, разумом, рассудительностью, мудростью и т. д. («Премудрость одна, а мудростей много», «Ум на ум не приходится», «Догадка лучше ума»); **(6)** сведение ума/мудрости исключительно к хитрости и изворотливости прагматического свойства; **(7)** отрицание за собственно умом хоть сколько-то значимой ценности («С умом жить — мучиться, а без ума жить — тешиться», «Много на свете умного, да хорошего мало»); **(8)** нелюбовь и к умничающим, и к умным (неприятие в первую очередь тех, кто выделяется из общей массы именно своим умом); **(9)** любование юродством (в отличие от сочувствия и терпимости к слабоумию) и неявное самопризнание в таковом («Глупый умного не любит», «И глупый умного одурачит»); **(10)** претензия в вопросах разума на этноисключитель-

ность; (11) незначительность самоиронии. Отношение к уму-разуму, таким образом, у русских скорее отрицательное, нежели положительное. С учетом же русско-ментального восприятия еще и гендерного аспекта («Курица не птица, а баба не человек», «Кобыла не лошадь, баба не человек») делается понятным, почему символом мудрости у русских является не мужчина («Иван-дурак»), а женщина («Василиса премудрая»), которая, правда, иногда оказывается еще и «Василисой прекрасной», но в основном — бабой-ягой. В самом деле, зачем награждать по-настоящему привлекательными чертами существо, чей «...норов и на свинье не объедешь» (да еще «У нас и баба зауряд в рекруты идет») [13, с. 277], если проще признать за этим существом качества, мужской половиной отнюдь не ценимые (рассудительность, мудрость)? Лучше уж признать, что «Где сатана не сможет, туда бабу пошлет» и «Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает», чем забыть: «Кто с бабой свяжется — сам баба будет» [13, с. 276–277].

Дополнительным подтверждением полученных выводов может служить также и чисто количественный анализ ментальных зарисовок, обнаруживаемых в разделе «Ум — Глупость» [13, с. 319–334]. Так, из имеющихся в нем 560 с лишним пословиц и поговорок в гендерном аспекте выступают 73 (13 %). Из них в той или иной форме характеризуют умственные способности мужчин 63 высказывания (более 86 %), а женщин — только 10 (менее 14 %). При этом из указанных «маскулинных» пословиц (условно назовем их так) 4 — оценочно-нейтральны, 3 — по отношению к мужскому уму более или менее положительны, а 56 (89 %) — отрицательны. Аналогичные показатели среди «феминных» пословиц распределились следующим образом: 3 — оценочно нейтральны, 2 — положительны, 5 (50 %) — весьма относительно отрицательны.

Иными словами, если в ментально-русской парадигме высказываются по поводу ума-разума в определенно-отрицательном ключе, то приписывают такие негативизмы преимущественно мужчинам, используя при этом следующие выражения: «Под носом взошло, а в голове и не посеяно»; «До лысины дожил, а ума не нажил»; «Сила — ума могила»; «Сила ум ломает»; «Отчего мужик дешев? — Оттого, что глуп». Если же по данному поводу используют положительные оценки, то, скорее всего, адресуют их женщинам: «Женский ум лучше всяких дум»; «Понятливу девку недолго учить». (Отнюдь не случай-

но, например, распространенное в России рубежа XV–XVI вв. рационалистическое учение «жидовствующих» ассоциировалось у современников в первую очередь с представителями мужского пола — братьями Курицыными, Дмитрием Коноплевым, Иваном Максимовым, архимандритом Кассианом, а не с личностью женщины, их единомышленницы Елены Волошанки, снохи московского князя Ивана III. Интересно и то, что, допустим, о русской императрице Елизавете Петровне в свое время говорили: «Ум у нее женский, но его очень много»). Что касается интеллектуально-негативных «феминных» поговорок, то их слабо выраженный отрицательный ракурс построен в основном на противопоставлении ума не силе или возрасту, как в «маскулинном» случае, а чисто внешним, эстетическим признакам: «Волос долог, да ум короток»; «Личико беленько, да ума маленько».

В рамках сказанного становится, например, понятным, почему, с одной стороны, уже сам по себе рационализм признавался на Руси ересью, и всякая ересь считалась рационалистическим безумием (тем более первая на Руси собственно рационалистическая ересь «жидовствующих»), а с другой — по категориям ортодоксии и ереси расценивалось там абсолютно все [8, с. 150–158]. Заодно становится понятным не только традиционное обвинение русского характера в так называемой несоединенности его мужественного и женского начал, но и подозрение русской души в присущности ей чего-то, по выражению Н. А. Бердяева, «вечно бабьего» (притом, что «вечно бабьим» отмечен в первую очередь изворотливый русский ум). Тем более становятся понятными такие уже современные реалии, как, скажем, обвинения В. Е. Чурова, сделанные им как-то на заседании российской Госдумы в адрес одного из депутатов: «Ваш вопрос идет не от сердца, а от ума». (Заметим, не то плохо, что «от ума», а то, что этот ум принадлежит мужчине.)

Продолжая дальнейшее сравнение феминно-рациональных особенностей, которые присущи тем или иным этноментальным традициям, отметим, что, как в нашем случае, начинать такой анализ именно с России представляется целесообразным хотя бы потому, что известное взаимодействие «Восток–Запад» в основном в России и происходит. При этом указанное взаимодействие отнюдь не всегда приводит к мирному диалогу культур и ментальностей, нередко оно выглядит как устойчивое, растянувшееся на века противостояние. В этом плане достаточно вспомнить хотя бы упорное сопротивление

российской культуры так называемому «латинству» и всем его рационалистическим последствиям. Стоит также обратить внимание и на то, что как раз по данной анти-«латинствующей» линии последние 3–4 века и осуществлялось развитие концептуализированного российского сознания (между тем как по самой своей природе концептуализированный уровень сознания ориентирован на экстраординальность). И если отношение российской культуры к Западу во многом объясняется ее противоречивым взаимодействием с пресловутым «латинством», то чем объясняется ее отношение к Востоку? И какая из восточных культур-ментальностей могла бы здесь рассматриваться в качестве убедительно-наглядного примера?

В самом деле, поскольку, в отличие от своего антипода-Запада, Восток никогда не представлял собою подлинного единства и, тем более, единообразия, то вопрос об искомом примере лишним отнюдь не является. Подходящим же таким примером может служить этнокультура, с одной стороны, наиболее типичная для Востока, а с другой, — максимально втянутая в сложную историю мультикультурного развития России и потому в чем-то с нею схожая. С учетом же того, что из числа естественно предполагаемых здесь среднеазиатских этносов каждый так или иначе формировался на основе синкрезии савков, массагетов, кыпчаков, найманов, усуней, согдийцев, тюрков, монголов и прочих близких между собою кочевых или полукочевых народов [11], любой из них способен служить наглядным образцом: «Кочевники, киргизы и туркмены, ...мало религиозны, не фанатичны и имеют в большинстве весьма смутное понятие о коране¹ и сущности мусульманского учения; посты, молитва и другие обряды, предписываемые законом Магомета исполняются ими плохо и, в особенности у киргизов, перемешаны с остатками языческих (шаманских) верований. ...Каждый грамотный, умеющий читать и писать, называется муллой...» [16, с. 354–355].

При этом, как выясняется, после присоединения среднеазиатских народов к России «Духовная жизнь и религиозная ее сторона менее других затронуты русским влиянием... В то же время и религиозная нетерпимость по отношению к неверным, по крайней мере среди <...> имеющих частое общение с русским населением, туземцев, заметно ослабела и последние в сношениях своих с русскими все чаще и чаще

¹ Написание приведено в соответствии с первоисточником.

руководствуются мудрой туземной поговоркой, по которой “все люди – люди”» [16, с. 342]. Следует, однако, заметить, что из всей Средней Азии наиболее ценным для ментально-антропологического анализа материалом (в виде эпоса «Манас») обладает все-таки киргизская культура, и принципы соборности, на которых исконно строилась российская социальность, созвучны аксиологическим устремлениям киргизского общества, организуемого по сходному, родовому признаку в наибольшей степени. Не исключено, что в отношении к женщине и ее интеллектуальным потенциям в русской и киргизской этноментальности также обнаружится немало общего.

Если, для начала, обратить внимание на такой фрагмент устного народного творчества, как киргизские пословицы и поговорки, то посвященных специально уму-разуму среди них обнаружится весьма немного: «Иди впереди умного, но позади глупца», «Ясный ум дороже золота», «Богатырь возглавляет войско, мудрец открывает путь» (исторические реалии между тем показывают, что у киргизов сначала «Богатырь возглавляет войско» и только потом «мудрец открывает путь», в то время как следует идти «...впереди умного, но позади глупца», то есть на самом деле, выясняется, выступать богатырем-глупцом все-таки не следует). Что касается гендерного аспекта мудрости, то такового в киргизских пословицах и вовсе не выделяется, хотя в целом аксиологическая дифференциация, произведенная по половому признаку, имеется: «Небо украшают звезды, мужчин — борода, женщин — волосы» («борода», то есть уровень тестостерона, силы, агрессивности). И если, тем не менее, тщательнее заняться искомой дифференциацией, то ее следы все-таки обнаруживаются: «Женщина, которой нечего делать, доит кошку». Понятно, что собственно мудростью это не назовешь, но и не откажешь «доющей кошку» в изошренности ума (заметим, что ума женского, а не мужского). Возможно, именно поэтому «Женщины у киргизов не говорят!». В этом плане восточное (киргизское) представление о женских достоинствах весьма близко русско-ментальному стереотипу, как, впрочем, и представление о достоинствах мужских (сводимых исключительно к силе, которая всегда опережает разум: не полководец, а «Богатырь возглавляет войско...»). Близки также представления о качестве ценного ума (как житейских хитростях) и его неопределенном, недифференцируемом характере, хотя имеются и заметные отличия.

Среди упомянутых отличий следует в первую очередь указать на то, что, в противовес русской ментальной парадигме, мудрость у киргизов, как и в целом на Востоке, обладает высочайшей ценностью, а ее антиподы типа дурашливости или придурковатости в ценностном плане нигде не выделены. При этом отмечается теснейшая связь между умом и ученостью, умом и возрастом (сама старость уже является эквивалентом мудрости), но отсутствует таковая — между умом и богатством, умом и половой принадлежностью. Однако самое важное отличие от русско-ментальных стереотипов заключается в том, что представление киргизов о мудрости, проистекающее из трайбалистского характера общественного устройства, способно оперировать не понятийно-логическими и близкими им механизмами, а исключительно соображениями о принадлежности/непринадлежности того или иного человеческого свойства конкретному роду-племени. Отсюда, например, высказывания типа «наш мудрый народ» или «мудрость народа» (в отличие от «народной мудрости»). Отсюда же, как величайшее достоинство, стремление и способность обжулить (вариант ума и хитрости?) каждого, кто к твоему роду не принадлежит. Отсюда же поиск кровнородственной связи с кем-то из исторических личностей, представляющихся киргизам великими (сейчас это Аттила), равно как и упорные «доказательства» того, что все прочие народы и языки мира, в том числе европейские, произошли от киргизского корня, а сам род киргизов как самостоятельный этнос (и даже нация) якобы существовал всегда. Отсюда также и современные претензии на якобы обладание образцовым для всех опытом решения социальных проблем (например, декларация того, что теперешние потрясения в арабском мире есть не более чем подражание «мудрым» свершениям киргизских «революций»).

И отсюда же архаический (или, по Л. Леви-Брюлю, пралогический) тип мыслительной деятельности, равно как и замена подлинной истории киргизов эпосом (в настоящее время, например, мифологический завоеватель Манас, почему-то называемый Великодушным, представлен в качестве реальной исторической личности и, приравненный по своей роли к Ч. Айтматову, отнесен вместе с последним к главным киргизским интернационалистам). При этом, согласимся, в мифологии действительно проявляется пусть плохо осознаваемое самими носителями мифологического сознания, но подлинное отношение этноса к главным ценностям своей культуры. В нашем случае это

жена Манаса Каныкей¹, символ мудрости у киргизов: «Только мудрая Каныкей смогла исцелить Манаса», «Она труженица, искусная мастерица... Она — мудрая советчица Манаса» [19]. Но поскольку Каныкей, будучи дочерью бухарского хана, по своей этнической принадлежности являлась согдийкой (представительницей одного из иранских племен) и формально к киргизам отношения не имела (хотя бы потому, что факт замужества менее всего означал причастность к мужнину роду)², то усилий на доказательство искомой причастности тратилось и тратится немерено. В такое «доказательство» втянута даже «тяжелая артиллерия» — президенты Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и, понятно, Кыргызстана [7]. И каждый из них всерьез настаивает на принадлежности Каныкей соответствующему этносу, забывая, что в описываемый эпический период еще не сложилось ни собственно казахов, ни собственно узбеков, ни собственно таджиков, ни, тем более, собственно киргизов.

При этом известная киргизская поговорка «Женщины у киргизов не говорят!» соответствует действительным историко-политическим реалиям далеко не вполне. На самом деле еще как говорят! Будучи необыкновенно амбициозными и властолюбивыми, киргизские женщины — в противовес национальной традиции их предельного закабаления — умом и хитростью обеспечивают для своего народа то, чего все киргизские мужчины, вместе взятые, не смогли добиться силой. В этом им, правда, не очень-то помогают научные степени и учеба в престижных вузах (как, например, в случае с президентом республики Р. Отунбаевой, ставшей национальным миротворцем в период кровавой «киргизской революции» 2010 г., или министром образования и науки, а позже послом в Беларуси И. Болджуровой). Однако этому же им не в силах помешать ни собственная косноязычность (коей особенно славится все та же Р. Отунбаева, известная своими «оговорками»), ни, тем более, гендерная традиция страны. Иными словами, поскольку киргизам, не обретшим еще общественно-исторического самосознания, на самом деле понятие народа или нации неведомо, то

¹ Буквальный перевод с тюркского имени Каныкей — «жена хана». Настоящее же имя жены Манаса было Санирабига: «Прошли года. Прошли века. Забылась Санирабига. Осталось имя Каныкей, что значит — ханская никей» [3, с. 81].

² И вот с тех пор до наших дней
Живет в народе Каныкей.
Таджичку древнюю кыргыз
Считает матерью своей [3, с. 81].

голосу женщин в Киргизии позволено звучать и даже заглушать мужчин только тогда, когда имеется и должным образом подтверждена требуемая для конкретной политической ситуации их родовая принадлежность. Возможно, по этой причине в качестве символа мудрости на Востоке фигурирует только замужняя женщина, имеющая детей, — женщина как созидательница рода¹.

Если теперь обратиться к противоположному, а именно западному типу ментальности и уже его феминно-рациональным особенностям, то лучшего символа, нежели знаменитая Афина (в римской мифологии Минерва), найти здесь вряд ли удастся: «...богиня неба, повелительница туч и молний, богиня плодородия, покровительница мирного труда, ...женского труда. ...покровительница наук, богиня мудрости; она даровала людям законы, учредила ареопаг и стоит на страже порядка. ...Афина изображалась в виде суровой и величественной девы, чаще всего в длинном одеянии и в полном вооружении, с копьем, щитом и в шлеме. У ног Афины обычно сидит ее священная птица — сова; иногда Афина изображалась со змеей...» [4, с. 42–43]; «В Риме с Афиной отождествляли Минерву... Богиня считалась покровительницей ремесла, врачевания..., ваятелей, музыкантов, поэтов. Главное празднество в честь Минервы — богини мудрости — квинкватрии... было праздником римских ремесленников и днями, когда учителя получали плату за обучение детей» [4, с. 43–44]. При этом обратим внимание на сам тип западного менталитета, для которого, как известно, характерно редкое единообразие, но главное — способность четко дифференцировать такие понятия, как «ум» и «мудрость», «рассудок» и «разум», «логика» и «прагматика». И хотя никто, конечно, не оспаривает этой его способности, однако вслед за российско-американским философом М. Н. Эпштейном зададимся вопросом: «Можно ли определить столь темный и ускользающий предмет, как мудрость?» [18, с. 7].

В самом деле, во всех определениях мудрости подчеркивается ее отличие и от чистой этики, и от чистого теоретизирования, и от чистой прагматики, хотя первоначально греческое «*sophia*» принадлежало все-таки практической сфере (искусству ремесленника). Однако, пройдя тысячелетия своих метаморфоз, западный интеллектуализм в конечном счете пришел к более или менее определенному выводу:

¹ Показательно в этом плане, что первые две жены Манаса — Караборк и Акылай — были бездетными [3, с. 75].

«Мудрость — это ум ума, способность умно распоряжаться собственным умом» [18, с. 12]. Иными словами, это способность разума к максимально полному самоконтролю, это некоторый метаметаразум. Но главное — это не безотносительный к чему бы то ни было, не абстрактный метаразум, а лишь одна из его способностей. Это та его способность, которая ориентирована на установление наилучших человеческих отношений. Но какие из них считать наилучшими? Очевидно, такие, в которых, как известно еще со времен Семи греческих мудрецов, найдена и соблюдена определенная мера: «Мера — наилучшее!», «Ничего сверх меры!». В этом плане, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, наиболее удачное определение мудрости принадлежит русской поэтессе Софье Шаталовой, которая, будучи из-за своего аутизма не способной разговаривать, написала: «Мудрость — мера между “мало” и “много”». Среди подобных строк-афоризмов, написанных ею еще в возрасте 8–10 лет, есть и такие: «Надо — кнут для воли», «Мысль — самая мощная после любви сила в мире» [12, с. 19].

Относительно приведенных строк важно подчеркнуть, что их принадлежность, действительно, парадоксальной выглядит только внешне. Почему, в самом деле, парадоксальным следует считать тот факт, что наиболее адекватным выразителем мудрости (как формы мета-, или самосознания) становится человек, оригинальность мышления которого как раз и заключается в «погруженности в себя» (именно так переводится с латинского слово «аутизм»)? Почему парадоксальным следует считать тот факт, что наиболее адекватным выразителем мудрости становится человек невероятно юного возраста, если аутизм в тяжелой форме означает повышенную «погруженность в себя» и потому особенно способствует ранней такой «погруженности»? Почему парадоксальным следует считать тот факт, что наиболее адекватным выразителем мудрости западного типа становится человек, взращенный русской культурой, если он этой культурой, действующей по принципу «Нет пророка в отечестве своем», воспринимается исключительно в качестве маргинала [12]? Между тем, как впрямь возразить любой знаток особенностей интеллектуализма, всякая метадеятельность сознания в западном менталитете базируется все-таки на логическом, то есть правильном мышлении, в то время как аутизм, как ни крути, является отклонением от нормы (правильности). Что ж, действительно является, но отклонением от собст-

венно психической нормы, а не интеллектуальной (неслучайно «...почти четверть программистов в корпорации “Майкрософт” — аутисты» [12, с. 19]).

Если теперь опять обратиться непосредственно к предмету анализа, то самое время еще раз задаться вопросом о гендерной специфике мыслительной деятельности, то есть прояснить, действительно ли женское мышление так уж алогично, как это принято считать. Может быть, и впрямь, как утверждают некоторые психологи, женщины — из-за асимметрии в функционировании полушарий головного мозга у представителей разного пола — хуже мужчин оперируют тем самым логосом, который в западной ментальности есть одновременно и правильное мышление, и идея, и закон, и порядок, и духовная сила? А может быть, дело заключается всего лишь в христианском мифе о принципиальной женской неполноценности? Иначе откуда именно на этапе ухода из античности наблюдается столь обостренная агрессивность у мужской позиции по отношению к социально-интеллектуальной роли женщины? Откуда, в частности, филиппики Тертуллиана, обращенные не просто в адрес женщин, а женщин-гностиков: «Сами женщины еретические как дерзки! Они осмеливаются учить, диспутировать, браться за заклинание духов, обещать исцеления, может быть, и крестить» [14, с. 257]? И откуда уникальная для эпохи вроде пока еще преследования христиан ситуация, когда эти христиане, не представляя официальной для тогдашнего Египта религиозности, растерзали, охваченные фанатической ненавистью, даже не язычника-мужчину, а выдающуюся в своем уме и учении женщину Гипатию? Может быть, дело заключалось всего лишь в том, что математик, механик и астроном Гипатия была еще и талантливейшим полемистом-философом, имевшим несчастье победить в публичной дискуссии того самого епископа Кирилла Александрийского, который, как утверждают, и направил на свою «обидчицу» обезумевшую толпу христиан?

Все эти вопросы, впрочем, давно воспринимаются, с одной стороны, почти как риторические, а с другой, — как не вполне корректно сформулированные. В самом деле, справедливости ради следует признать, что прямого вопрошания о логической способности женского ума они и впрямь не содержат. Между тем справедливо и то, что в мужских рассуждениях о женской алогичности также не просматривается особой конкретики в понимании логического феномена, хотя,

как это было показано выше, уже само слово «логика», заключающее в себе не менее двух десятков различных, иногда взаимоисключающих смыслов, побуждает к такой конкретизации. А поскольку автор этих строк является дипломированным логиком с большим опытом преподавания дисциплин логического цикла (в российских и киргизских вузах), то, быть может, его гендерные наблюдения, вынесенные из упомянутого опыта, все-таки заслуживают доверия в качестве посылок производимых здесь выводов? Наблюдения же эти всякий раз удивляли самого их автора тем, что сильно расходились с заранее готовыми ожиданиями, которые, понятно, в свою очередь являлись продуктом воспитания, определяемого привычными стандартами христианизированной культуры. Иными словами, вопреки стереотипам-предположениям, женская часть учебных групп осваивала логику в среднем заметно эффективнее, нежели мужская (а лучшим логиком за все годы преподавания оказалась киргизская студентка с примечательным именем Канькей, которая специализировалась в области социальной философии, то есть, по-другому, любомудрия).

При этом если с фактом женского превосходства в восприятии логики постепенно свыкаешься, то к другому обстоятельству оказываешься неготовым никогда. Речь идет о том, что даже блестяще освоившие логическую науку женщины на самом деле предпочитают в своих повседневных решениях обходиться без ее помощи. Почему? Возможно, потому, что они, понимая лучше, чем кто-либо другой, разницу между логикой (статичным мышлением, принципиально отвлекающимся от своего содержания) и нелогикой (мышлением, находящимся в непрерывном развитии и в основном следующим своему содержанию), с полной определенностью осознают: во-первых, рациональность в мышлении (то есть собственно логика) и рациональность в поведении далеко не одно и то же, а потому их совпадение исключено, во-вторых, рациональность в поведении все-таки важнее демонстрации искусства логически мыслить, и в-третьих, успешность адаптации женщин к маскулинно-патриархатному миру прямо пропорциональна убежденности мужчин в их собственной монополии на логику. Не исключено, что именно из такого осознания и родилась известная банальность (или мудрость?), согласно которой умной бывает лишь та женщина, которая умеет скрывать свой ум от мужчины.

Таким образом, приходится признать, что хотя в рассмотренных типах ментальности представления о мудрости различны, однако ее

символом во всех случаях выступает именно женщина. При этом близки и вторичные символы, а также их, порой противоречивые, восприятия: сова [1, с. 479; 2, с. 263; 6, с. 62–63], змея [1, с. 165–170; 15, с. 157–160], золото [1, с. 171–173; 2, с. 210–211]. Кроме того, ментально схожи ассоциативные связи женщины-мудрости с женщиной-практичностью, женщиной-изворотливостью, женщиной-колдовством (хотя в последнем случае оценочные характеристики варьируются от восхищенно-положительных до агрессивно-отрицательных). В то же время характеристики самой женщины как символа мудрости, а заодно и значимость последней отмечены в каждой из рассматриваемых ментальных традиций своими культуро-специфическими особенностями.

Так, западная культура в женщине-мудрости ценит логику и исследовательскую склонность, ученость и аналитику, критичность и искренность, практичность и организованность, абстрактный универсализм и сакрализованную одухотворенность, а в целом — гармонию когнитивных, этических, эстетических, возрастных и прочих параметров (при этом исключается ее связь с семьей и мужчиной: даже плодородие символизируется девой, а не женщиной-матерью). Русская культура в качестве аналогичных характеристик-ценностей выдвигает в основном сметливость, увертливость, практическую изворотливость, прихотливость и изощренность ума (на грани колдовства), а также базирующееся исключительно на любви/верности/жертвенности целеполагание самой деятельности разума (при этом наблюдается весьма настороженное отношение к учености-образованности и индифферентизм к сакральным аспектам, внешности, возрастным параметрам, замужеству, семье). Наконец, восточная культура в женщине, претендующей на символ мудрости, выделяет здравый смысл (в отличие от логики), узкий практицизм, хитрость, изворотливость, обладание необходимым возрастом (в противовес западно-ментальным ценностям — лучше постарше), принадлежность к нужному родовому клану, приверженность интересам этого клана (вплоть до релятивистского обращения с моралью), ориентированность на политическую власть, исключительно сакральную одухотворенность, подчиненность мужчине и семье как основную цель мудрости (при этом для женщины как символа мудрости неважны образованность, красноречие, внешность). Что касается собственно мудрости (вне ее гендерной символизации), то таковая, при всей специфич-

ности ее понимания в разных ментальных традициях, на Западе и Востоке ценится необычайно высоко, а в России — настороженно и противоречиво.

1. Адамчик В. В. Полная энциклопедия символов и знаков. Минск : Харвест, 2008.
2. Алексеенко В. В., Горецкая И. С., Коган Э. В., Колесникова А. С., Рахно М. О. Полная энциклопедия символов, эмблем и знаков. Ростов н/Д : ИД ВЛАДИС; М. : ИД «РИПОЛ Классик», 2008.
3. Байджиев М. Сказание Манас, Семетей, Сейтек: Поэтическое переложение трилогии кыргызского эпоса «Манас» / ред. и авт. послесл. Г. Н. Хлыпенко. Бишкек : Бийиктик, 2013.
4. Ботвинник М. Н., Коган М. А., Рабинович М. Б., Селецкий Б. П. Мифологический словарь. М. : Просвещение, 1965.
5. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
6. Зигуненко С. Н. Знаки и символы. М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2005.
7. Ибраимов О. О 1000-летию «Манаса», о спорах вокруг него, о духовной силе эпоса. Академические вечера. Вечер третий // Белый Парус. Интернет-газета. URL. <http://www.parusk.info/2011/07/20/46931>.
8. Иванова И. И. Рационалистические ереси в истории христианства. Бишкек : РАЙТЕХ, 2003.
9. Курбатов В. И. Женская логика (В шутку и всерьез о странностях молвы, сужденья, спора...). Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1993.
10. Мифологии древнего мира / пер. с англ. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
11. Народы и религии мира: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков, редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский и др. М. : Большая Российская энциклопедия, 1999.
12. Позднякова М. «Живу нигде и везде». Соня Шаталова «разговаривает» с миром стихами // Аргументы и факты. № 6 (1630). 8–14 февраля 2012 г.
13. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В. И. Даля / под общ. ред. Б. П. Кирдана. М. : Правда, 1987.
14. Поснов М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев : Тип. Акционерного Общества «Петр Барский в Киеве», 1917.
15. Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. М. : ЗАО Центрполиграф, 2006.
16. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. Туркестанский край / под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб. : Издание А. Ф. Девриена, 1913.

17. Социальная психология. Словарь / под ред. М. Ю. Кондратьева. М. : ПЕР СЭ, 2005.
18. Эпштейн М. Н. От мудрости к философии — и обратно // Философские науки. 2011. № 11. С. 6–17.
19. Юнусалиев Б. М. Кыргызский героический эпос «Манас» // Сказание о Манасе: сайт. URL. <http://lib.rus.ec/b/215354/read>.

П. Г. Мартысюк

Основные проблемы культуротворческой деятельности в контексте диалога создателя и потребителя

УДК 130.2

В статье исследуется природа творческой деятельности, а также вскрываются основные противоречия творчества, являющиеся следствием его реализации в социальном пространстве, в том числе в контексте диалога создателя и потребителя.

Ключевые слова: деятельность, диалог, культура, культуротворческая деятельность, творчество, создатель, потребитель.

P. G. Martysiuk. The Main Problems of Culture-Creative Activity in the Context of Dialogue Between Creator and Consumer

The article studies the nature of creative activity, and the basic contradictions of creativity are revealed, which are the consequence of its implementation in the social space including in the context of dialogue between creator and consumer.

Key words: activity, dialogue, culture, culture-creative activity, creativity, creator, consumer.

Все культурные приобретения человека — дело его собственного творчества. В них реализуется внутренняя установка на бесконечность и тоску человеческой личности по совершенству и полноте бытия. Это выражается в динамике его духа и воли. Он творит, конечно, в рамках определенных условий и применительно к данным условиям